

Ба 29199

405:21

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДЕТЯМ—
РАБОТНИКАМ
БУДУЩЕГО—
В ДЕНЬ
КРАСНОГО
ОКТЯБРЯ.

КРАСНЫЕ СЕВЫ.

Детский альманах.

Уч

Гомельский Губернский Комитет по организации дня
празднования Октябрьской Революции
г. Гомель — Мозырьская, 1-й этаж, 1-й этаж, 1-й этаж
Телеф. 51.

ГОМЕЛЬ.
1919 г.

Ба 29199. Гр

Инд. 1952/1

Бел. адд'фел
1994 г.

Гомельский Губернский Комитет по организации дня
празднования Октябрьской Революции.

ИЗДАНИЕ 1957 ГОДА. КОПИЯ

КРАСНОЕ

С. Е. П.

ДРЕВНИЙ СВАДЕБНЫЙ

СВЯТОСЛАВ

25.04.2008

1957

О. Белявская.

ПРИСКАЗКА.

За ступенькою ступенька—

Станет лесенка.

Слово к слову ставь складненько—

Будет песенка.

Я колечко на колечко,—

Станет вязочка.

Сядь со мною на крылечко—

Слушай.

СКАЗОЧКА.

СКАЗКА О КНИГЕ.

Садитесь в кружок, дети, и я расскажу вам сказку о книге...

Была страна.

Между морями и лесами лежала она.

Много в ней было солнца: светлая была она, веселая, радостная...

С солнцем рано вставали пастухи и трубили... Пели птицы, шумел лес, с тихим звоном катилась река...

И все в этой стране имело язык, все говорило.

Громко и внятно говорили деревья, — о своем рассказывали, и всем был понятен их разговор.

Лес с лугом переговаривались, а река прислушивалась к их лепету и тихо смеялась звеня прибрежною галькой — камушками гладкими.

И у голубой зеленой дали был свой голос — Эхо. Все голоса повторяло оно, всем отвечало радостно и легко, словно было оно огромной книгой, в которую весь мир, — все звери, все птицы и все человеки — большие и маленькие, записывали свои прелестные сказки.

Однажды над той страной спустилась черная ночь...

Темная—темная, ничего не видать...

Шел по тому царству маленький мальчик. Заблудился он в темном, говорящем лесу...

Слышит он: про страшное говорят старые деревья, про злое говорят. Ветвями машут сердито...

— У—у—у...

Страшно стало ему в темном лесу.

Про злое говорят деревья старые.

Такие сердитые...

— У—у—у...

Вперед побежал маленький мальчик, все вперед и вперед...

Кричал он и звал: все думал, родной услышит. ответит ему, приласкает...

Сказку расскажет о том, как жила-была девочка—фея лесная, или о маленьких карликах—гномах с длинными смешными бородами, такими смешными...

Но вдруг он услышал голос: кто-то далеко ответил ему...

Дальше бежал он, и светлей становилось, все светлей, да светлей...

Он выбежал на луг—зеленый—зеленый...

А на том лугу отдыхала луна.

Совсем низко спустилась над лугом, смотрит вниз, смеется,—весело ей...

Такая смешная луна—круглая, добрая...

Мальчик остановился...

Хорошо было на лугу.

Звенели кузнечики, стучали своими маленькими молоточками...

Снова позвал он, и голос ответный подвел его к озеру...

Тихое было озеро, серебряное, и в нем купалась луна.

Забралась в самую воду, смотрит оттуда, смеется,—весело ей...

Дальше некуда было идти.

А голос все звал...

Шел мальчик по берегу, дорожку искал через озеро.

Под ногами звенела галька, скатываясь в воду, хрустел песок...

Долго-долго шел он, и вдруг остановился.

Совсем близко кто-то ответил ему, позвал.

Он стал искать вокруг себя.

И увидел...

В кустах что-то блеснуло.

Он подбежал, опустился на колени...

На зеленой траве, среди кустов лежала книга...

Та самая книга, в которую весь мир, все звери лесные, все птицы, и все человеки—большие и маленькие, записывали свои сказки...

О том, как жили-были люди и звери...

О том, что говорили река, и луг, и птицы, и лес зеленый—старый и молодой...

О добрых людях, о великанах, о Бабе-Яге—старой старушке и злой...

И еще о том, как нужно жить, чтобы быть счастливыми, чтобы никогда темная ночь не опускалась над миром...

Чтобы всегда было солнце и радость...

Мальчик забыл свою печаль, забыл о том, что где-то там, позади, был злой, темный лес.

Он сел на траву, на берегу озера, в котором купалась смешная луна.

Дрожащими руками поднял он книгу, раскрыл ее и нежным голосом, детским, одну за другой стал он читать сказки, записанные в ней...

И я там был, и сказки слышал,—читал их мальчик маленький на зеленом лугу, где отдыхала луна...

Сказки из этой книги я расскажу вам сегодня, милые дети.

Книжный Дядя.

СКАЗКИ

Книжного Дяди.

ЗАЯЧЬЯ ДОЛЯ.

КОРОЛЬ—ЖАБА.

КРАСНЫЕ МАКИ.

КНИГОНОША.

СНАЗАН

НННННОЛО ДДДН

ВВВВВВВВ

ВВВВВВВВ

ВВВВВВВВ

ЗАЯЧЬЯ ДОЛЯ.

Жил-был в лесу маленький зайчик.
Серенький.

Жил он с зайчихою своею, с зайчатами—длинноухими шалунами.

Чуть солнышко выглянет, вылезает зайчик из норы своей со всем своим семейством,—с зайчихой, с зайчатами маленькими.

Усядутся на лужайке, шиплют зеленую травку, про дела свои говорят домашние.

Солнцу теплomu дивятся и радуются.

Сказки сказывают друг дружке.

Забавные смешные сказки—заячьи...

Про то, как пахнет в лесу, про зверей добрых и злых, про синие дали.

Слушают зайчата, ушами шевелят, уму—разуму набираются...

Едят травку, на солнце греются..

Горя мало, забот никаких.

Знай, шевели ушами, да слушай: не хрустит-ли где в лесу, не крадется-ли зверь-зверюга...

Так и жили они тихо да радостно,—зайчик серенький, с зайчихою да с детками—шалунами длинноухими...

Пришла осенняя пора.
Холодные настали дни. Пасмурные.
Дождик сыплет. Лес невеселым стал.
Опали листья. Сгнила трава.
• Нечем кормиться зайчику...
Ходит день-денской, думу думает.
Собрал он однажды своих, совет дер-
жит...

— А не пойти ли мне в поле дальше?...
А за полем тем огороды... А на тех на ого-
родах капуста растет... Ну, и капуста...
Убивается старая зайчиха, пускать не
хочет.

— И куда ты старый, пойдешь такую
даль таскаться?... Авось, и так проживем,
прокормимся...

Не слушает ее зайчик, свое твердит.

— Пойду, и пойду..

Очень захотелось ему листов капуст-
ных, да и скучно стало в лесу.

Нет солнца, нет свежей зеленой травы.
Гудит ветер, сыплет дождь, ветки хру-
стят, и все чудится: идет, крадется зверь-
зверюга...

Злой зверь, неласковый.

Собрался утром рано зайчик в путь-
дорогу.

Из лесу выбежал, у опушки остано-
вился передохнуть...

Видит: серое поле вдаль убегает и нет
на нем никого.

Одну ножку поднял зайчик, другую, уши по ветру наставил,—и как побежит!..

Катится клубочком по полю,—только его и видать...

Прибежал на огороды, остановился, смотрит: глаза разбегаются.

К земле прижался и давай капусту есть.

Не жареную, не вареную.

Сырую...

Наелся вдоволь, на дорогу с собой захватил.

Назад бежит.

К себе, домой, в лес.

К зайчихе своей и зайчатам—маленьким, смешным, длинноухим...

А была в ту пору на земле той война.

Из дальних краев пришли чужие, неласковые люди, а с ними на коне, самый главный начальник их—генерал...

По земле шли они, поля топтали, деревни жгли...

И не было от них покою и радости ни людям, ни зверям лесным...

Шли они по полю, а впереди них—генерал.

Сидит он на коне на своем вороном, в трубу смотрит,—все ищет, в кого бы пулю пустить—пчелу стальную, кого бы в плен забрать, к себе отвести—на горе, да на муку...

Смотрит в трубу свою и вилит: бежит по полю зайчик—маленький, серенький.

Капустный лист в зубах держит, в лес торопится...

Как закричит генерал.

— Гей, вы люди мои, окаянные, каторжные!.. Словите-ка мне, да поймайте-ка мне, да сварите-ка мне,—да подайте-ка мне—зайца..!

Как пустились солдаты с гиком, с криком по полю...

Учуял их зайчик, пустился бежать, что есть силы.

Скорей!.. Скорей бы в лес, где можно укрыться, укутаться осенними листьями, в нору забраться...

Скорей-бы убежать от этих зверей—двуногих, набегающих со всех сторон.

Он бежит, он торопится, но все теснее смыкается круг.

И нет путей, и нет выходов.

А лес так далеко...

Окружили кольцом солдаты.

Сомкнули цепь.

Маленький, с капустным листом в зубах, бегаёт по кругу зайчик, ищет выхода, но кругом, со всех сторон угрожающе смотрят штыки...

Глянул вверх: если-бы крылья...

Но крыльев нет.

И небо такое далекое...

Устал.

Прилег, и спрятался пугливо, к земле прижался.

Задрожал...

Длинные, острые, тонкие штыки вонзаются в тело.

Маленький, серенький, лежит и бьется...

Земля становится красной...

... Призывно играют трубы—горны...
Смыкаются цепи... Длинной, серой колонной вдаль уходят солдаты—топтать поля, жечь деревни...

Впереди них—на коне—генерал...

Он смеется...

Ему весело...

Зайчика победил генерал...

А на желтом жнивье, у леса, остается красное пятнышко: здесь бился и умер маленький зайчик...

Серенький, глупенький зайчик...

Тот самый, который радовался когда-то весеннему солнцу, зеленой траве, тот самый, который рассказывал заячьи сказки детям своим...

Красное пятнышко осталось на поле...

Придет лето и вырастет зеленая трава, —пятнышка не станет... Будет лес, и поле, и небо...

В густой траве, может быть, кузнечик будет стрекотать свою песню о сереньком зайчике...

Или мальчик—пастух сыграет о нем
на ивовой дудочке...

Кто, чуткий, прислушается к стрекоту
кузнечика?

Кто поймет печальную песню пасту-
шьей свирели?..

КОРОЛЬ—ЖАБА.

В лесу зеленом и радостном, где дни и ночи напролет пели птицы, в самой его глубине, меж зеленых елей стояло болото.

Топкое, вязкое...

И жили в том болоте пьавки, лягушки и жабы.

А кругом болота мошки летали—злые, презлые.

Тихо было над болотом.

Птица не заглядывала, гнезд не вила; не пел соловей.

Только лягушки квакали:

— Ква—Ква.

Кружились, жужжали мошки...

И жила в том болоте—Жаба.

Жила она там год, и два, а может—быть—полтора.

Купалась в болотной тине, по вечерам на бережок выходила и квакала—старая Жаба, неразумная...

Наскучило ей так—то жить, да квакать, самой пищу себе добывать...

—Давай,—думает она,—объявлю себя королем.

Из людей, может, поглупее меня королями бывают. Я, может, всех жаб старых старше, и нет мне ни от кого почету и уважения...

Задумано—сделано...

Утром рано выползла Жаба из болота, села на пригорок, квакает...

— Слушайте все, жабы, лягушки, мошки, таракашки...

Я—ваш король...

Кормите меня, поите меня, и мойте меня. Я вами командовать буду... Ступайте ко мне на поклон...

Надулась, голову кверху задрала, глаза вылупила: ни дать, ни взять—король...

Пошумукались лягушки и жабы, мошки, таракашки...

Не хочется королю подчиняться, поить, кормить его, на поклон ходить, да боязно ослушаться: как никак—старая жаба, бывалая...

И потянулись из болота лягушки—маленькие, трусливые...

А Жаба—Король на пригорке сидит, торонит:

— Скорей, да скорей...

На дереве близко сидела ласточка—птица быстрая—Летун, слышала речи Жабьи...

Вниз спустилась, села на кустик, смеется, жабе говорит:

— Ты что-же это, квакуха старая, задумала? Королем захотела стать?.. А слышала ты, что на земле с королями-то дела...

ют?... Слышишь, в лесу топорами стучат?.. Это мужики пришли, королям подарки готовят... Слышишь: тук—тук, тук—тук... И до тебя, смотри, доберутся...

Испугалась Жаба, задрожала.

— А это я так,—говорит она.—Пошутить захотела...

— То—то,—говорит ласточка.—Ты, смотри, не очень шути...

Ты не дуйся, и не суйся,—лезь в болото...

Спустилась Жаба с пригорку—скок—скок,—куда и пруть девалась...

К болоту подпрыгнула, в воду бухнулась...

Высунула мордочку свою—старая Жаба, некрасивая, по старому, по бывалому квакала...

— Ква—Ква...

Так до самой смерти в болоте и квакала жаба.

Красные маки, белые и черные.

— Мак!.. Мак!.. Черный мак... Белый мак... Мак—Мак...

С лотком в руке носится по улицам города маленький Симон. Фуражка с поломанным гербом сползает на затылок. Лицо возбуждено и красно. Черны руки. В левой зажал он пачку бумажных денег—серых, зеленых, грязноватых...

— Купите мак... Черный мак... Белый мак...

Когда темно становится и в городе загораются огоньки, он идет домой и там—при свете лампы, считает дневную выручку...

—Один да один—два, два да два—четыре...

Заброшены книги, и игры забыты...

—Мак... Мак... Черный мак... Белый мак... Мак... Мак...

Однажды маленькому Симону снился сон: Идет он по полю—зеленому, чистому полю. Солнце светит ласково... Небо голубое—чистое... Поют птицы полевые—жаворонки...

Весело, радостно...

Так зелена трава, светел и радостен
луг...

Хочется в траве поваляться и песни
петь, кричать громко и радостно, к эху лес-
ному прислушаться...

Зеленое поле вдаль убегает—далеко, да-
леко...

И видит маленький Симон, что по всему
зеленому полю из травы на вольный воздух
поднимаются красные маки...

Веселым, радостным огнем горят на солн-
це их лепестки, радуют глаз и сердце своим
ласковым, красным цветом...

Их много, их много...

Все поле усеяно ими.

Красной и радостной становится земля...

Идет он дальше по полю и видит: под
каждой головкой мака—головка ребенка
видна...

Рассыпались по полю—маленькие дет-
ские головки—красные маки...

Слышится песня—от края до края земли
несется она—веселая, бодрая, звонкая...

Веселая песня:

Мы—красные маки...

Мы—дети свободы...

Песню свободы поем...

—

Над лугом несется вольная песня и
вдаль улетает: за море—море синее, да зе-
леные леса...

Стоит маленький Симон, слушает и видит: и над ним поднимаются красные лепестки яркого солнечного мака...

Поют все, поет и он... И у каждого своего слова, своя радость—весенняя, яркая, солнечная...

Цветут, расцветают красные маки...

И вдруг—видит он,—из дальнего леса на поле выходят черные косари...

Мертвым светом на солнце блестят их косы...

Они идут по лугу черной стеной.

И падает на землю красный мак...

И падают в дорожную пыль светлые детские головки...

Все ближе и ближе черные косари...

Остры их косы—и нет никому от них пощады...

Падают красные маки...

Все ближе и ближе...

Слышен звон их кос, злой смех косарей...

Ближе и ближе... Вот—вот...

Маленький Симон видит, как над ним поднимается длинная острая коса...

Зло смеется косарь...

Гаснет солнце. Слышен крик...

Он просыпается, вскакивает...

Все тихо, спокойно в доме.

Нет поля—и нет косарей...

За окном сторож свистит, и лают собаки...

Все это сон, сон...

Ему хочется что-то вспомнить.

Он смотрит вокруг себя и видит: лежат на
столе лепешки грязные,—черный и белый мак...

Он схватывает их и мнет руками, бро-
сает на землю...

Успокоенный, снова ложится он—радост-
ная улыбка загорается на его губах...

Ложится, и спит, засыпает...

И снова видит он зеленое поле, крас-
ные маки на нем...

И солнце—веселое, яркое, радостное...

Слышит песню—и сам поет ее,—весе-
лую, звонкую песню свободы:

Мы—красные маки...

Мы—дети свободы...

Песню свободы поем...

КНИГОНОША.

У каждого в детстве бывают дни, памятные на всю жизнь.

О днях детства моего расскажу я сегодня.

Вечер.

Тихо в доме. Лежу на широкой печи в старом дедовском доме.

Сумерки.

Песенку поет сверчок. Он где-то спрятался в углу, и каждый вечер заводит свою песню...

Тихо на печи. Поет сверчок. Из комнат голоса доносятся.

Со мною вместе—мой старший товарищ—дальний родственник мой, сирота, у нас живущий.

Целый день я не вижу его. Он где-то ходит по улицам, что-то делает, а вечером приходит, влезает на печь, со мною рядом ложится, о себе рассказывает, о том, что видел он за день.

Хорошо мне с ним и уютно.

Сегодня о новом он рассказывает. Собрал он десять копеек. Сходил на базар, книжек накупил. Он показывает их мне...

В сумерках я еле вижу обложки их разрисованные: Великаны в роскошных одеждах, Иванушка-Дурачок, на коне скачущий через моря-океаны, Царевна лесная с длинными-длинными волосами...

Глаза закрываешь, и видишь:

Вот скачет на коне Великан... Такой большой... Море блестит.. Так хорошо...

Мой товарищ шопотом говорит...

—А ты послушай, что я надумал, такое надумал. Пойдем завтра со мною, по базару пойдем, по лавочкам пойдем... Просили меня—принесешь книжку на прочет—грош получишь... Пойдем завтра с тобою, разнесем... Десять книжек—пять копеек, а там новые книжки купим, с картинками, и будем носить их по городу. Я да ты. Хорошо?

От радости в груди бьется сердце.

—Да-да... Я да ты.

Он спит. Засыпаю и я... И слышу—поет сверчок... Вижу огромных великанов, скачущих по полям и лесам, через моря-океаны, вижу принцессу златокудрую—фею лесную... Она смеется мне и что-то говорит—хорошее, тихое, ласковое...

Поет сверчок...

С утра мы ходим по улицам... Я и он. По маленьким лавочкам, по низким избуш-

кам, где молотком стучит сапожник, мы идем и разносим книжки свои—с картинками...

Так радостно на душе и хорошо...

Потом мы бежим на базар, покупаем новые книжки, и снова ходим по улицам, с утра до вечера...

Блестит солнце.

Смеется день.

А на душе радостно и легко.

Все это я вспомнил сегодня и записал. Радостью далекой пахнуло на меня, и снова, по детски забилось сердце...

Пусть и в вашей жизни будут дни, о которых вы вспомните с радостью потом, когда-нибудь, в тихие вечера осени...

Книжный Дядя.

* *
*

В лесу живет проказник неумный
Малютка Зой.

Насмешливый, он прячется в укромной
Глуши лесной,

На нем надет кафтанишко, плетеный
Из трав лесных,

По ветру кудри вьются, и зеленый
Колпак на них.

На молвь людей он любит откликаться
В тиши ночной,

Но им в глаза—не смеет показаться
Малютка Зой.

* *
*

Ф. Сологуб.

* *
*

Город из деревяшек.

Р. Стивенсона.

Бери деревяшки и строй городок:
Дома и театры, музеи и док;
Пусть дождик прольется и хлынет опять;
Нам весело дома дворцы созидать!

* *
* *

Диван, это—горы, а море—ковер.
Мы город построим близь моря у гор.
Вот—мельница, школа, здесь—башня, а там
Обширная гавань—стоять кораблям.

* *
* *

Дворец на холме—и красив и высок;
С терассой колонной, он сам—городок;
Пологая лестница сверху велет
До моря, где в бухте собрался наш флот.

* *
* *

Идут корабли из неведомых стран;
Матросы поют про седой океан
И в окна глядят, как по залам дворца,
Заморские вещи несут без конца.

* *
* *

Но время покончить! Всему есть свой срок!
В минуту разрушен весь наш городок.
Лежат деревяшки, как брошенный сор,
Где ж город, наш город близ моря у гор?

* *
*

Но был он! Я вижу его пред собой:
Дома, корабли и дворцы с их толпой!
И буду всю жизнь я любить с этих пор
Тот город, ваш город близь моря у гор.

Пер. В. Брюсов.

ОСЛИНЫЕ УШИ.

Был у одного царя слуга. Силой звали слугу. И служил Сила царю верой и правдой. Мастер на все руки, горазд городить небылицы, умел Сила держать язык за зубами,—ловкий. А за то и царь любил Силу, всюду таскал с собою и награждал всякий день золотыми медалями.

Случилось однажды, стал царь по утрам квасом себе волосы примачивать, провел рукою по волосам—хватать, а уши-то ослиные.

Сейчас к зеркалу: так и есть, они самые, ослиные.

Вот грех: за одну ночь такие выросли, ослиные!

И наказывает царь слуге строго:

—Не говори ты никому, не выноси в люди.

А Сила уж такой—могила; Сила отцу родному ни полслова.

Запиртал царь уши под корону и стал себе царствовать, как ни в чем не бывало.

Хорошо. Терпел Сила, терпел, никому не заикнется, а уж страсть хочется; и во

сне-то они одни только и снятся и — середь бела дня мерещатся эти самые уши.

И стало Силе больше не в мочь, выскочил он из дворца, да прямо на улицу к дороге, где гуляют. Возле дороги разгреб землю, припал к земле.

—Есть,—говорит,—у царя ослиные уши, выросли, а никто не знает.

Сказал, да бегом назад, И так легко, и так ему весело, словно камень свалился с плеч.

Царь слугой не нахвалится: уж такого ни за какие деньги не купишь. Сила слуга верный.

И по прежнему всюду царь таскал Силу с собою и награждал всякий день золотыми медалями.

Хорошо. А на том самом месте, где Сила с землей разговаривал, выросло из ямки деревцо-береза. Ну, и поехал однажды царь со слугою прогуляться. Едут они по дороге, а эта береза царю-то и кланяется.

—Есть,—говорит,—у царя ослиные уши!

Царь в тушик.

—Поставь,—говорит слуге,—ковня у березы!—а сам тихонько спрашивает:—что березка-то кланяется?

Тут Сила видит, дело плохо, да царю в ноги.

—Терпел я, терпел, да не вытерпел, землю разгреб и шепнул, что у царя ослиные уши. А вот выросла березка и объясняется.

—Ну,—говорит царь,—уж если мать-земля не могла выдержать, то где-же крещеному! Что в лоб, то по лбу.

Алексей Ремизов.

П Т И Ц Ы .

В голубую холодную даль,
Над зубчатой стеною лесов
Мы летим!

Мы свободы и воли хотим,
Мы летим! Мы летим!

Наши крылья звенят,
Воздух встречный шумит,
Мы летим!

Мы свободы и воли хотим,
Мы летим! Мы летим!

Если встретятся тучи в пути,
Мы сквозь тучи проложим свой путь,
Мы летим!

Мы свободы и воли хотим!
Мы летим! Мы летим!

О. Белявская.

Королевское платье.

(Сказка Г. Андерсена).

На белом свете жил да был
один король когда-то,
В дела он царства не входил,
Но наряжаться так любил
Роскошно и богато,
Что в день раз двадцать пять
Привык костюм менять.

О нем не толковали:
„Король стал заниматься,“
А прямо об'ясняли:
„Изволит одеваться“.

Раз в городе пронесся слух,
Прошел и в царской свите,—
(Ведь, к разным сплетням кто же глух?)
О в'езде в город чудных двух
ткачей, и что ткачи те

Скорей, чем в пять минут,
Такие ткани ткут,

Что от начала света
Подобных не бывало,
Но только платье это
Секрет один скрывало.

Кто был способен и умен,
Тот видел это платье,
Но если же, к несчастью, он
Был в этот мир глупцом рожден,
То было вероятней,

Что для того глупца
С изнанки и с лица,
Та ткань совсем незрима,
Хотя смотри он в оба
На ткань неутомимо
До самой двери гроба.
Король, узнав о том, и дня
Прожить не мог в покое:
— „Будь это платье у меня,
Весь двор по платью оценив,
Я знал бы, что такое

Весь мой придворный штат:
Ведь глупых, говорят,
И близь меня есть много...
Избавлюсь от заразы!“
И приказал он строго
Ткачам послать указы.
Взглянуть на ткань, в немой борьбе,
Король желал ужасно,
Хоть он уверен был в себе
И в избранной своей судьбе,
Но—все таки опасно.

— „Пошлю, подумал он,
Министра: он умен,
Он служит мне примерно,
И, знаю я заране,

Оценит он наверно,
Достоинства той ткани“.
Министр к обманщикам ткачам
явился и—ужасно!
Ткань не видна его очам,
Лишь хитрым он внимал речам:
— „Не правда ли, прекрасно?“.

Ну, что он мог сказать,
Чтоб чести не ронять?
О тупости министра
весь край бы вдруг услышал...
И стал хвалить он быстро:
„Рисунок дивный вышел!..“
Весь двор у плутов побывал,
чтоб тканью любоваться,
Но каждый скрыл среди похвал,
Что ничего он не видал...
Как в глупости сознаться,—

Назваться дураком?..
И над пустым станком,
Где были только нитки,
Художников искусство,
Хвалили все в избытке
Восторженного чувства.
К ткачам король явился сам
и слышал толки в свите:
— „Вот подивитесь чудесам!
Что за узор!.. Вот здесь... а там...
Король, сюда взгляните...“

Король же думал так:
— „Неужли я дурак?“

Лишен совсем понятия?

Не вижу эту ткань я..“

Но высказал желанье

Иметь такое платье.

Король, ткачей своих хваля,

к ним приезжает снова,

Ждет платья, деньги им суля,

И плуты тешут короля,

• Что платье уж готово:

— „Примерить ваш наряд

Извольте,—говорят:

Разденьтесь и примерьте..“

Разделся, мальчик словно,

Напуганный до смерти,

Король беспрекословно.

Пришел в восторг весь круг вельмож

пред королем раздетым,

(Раздетый чувствовал он дрожь):

— „Смотрите, как король хорош,

В наряде новом этом!...“

Что за фасон при том!

По городу пойдем,

Все станут удивляться...“

Король промолвил слово:

— „Чтож, можно отправляться?“

— „Извольте! Все готово!..“

Король по улицам идет

под балдахинном пышным,

А вокруг него бежит народ,

Хвалу одежде воздает

С приветом, ясно слышным:

— „Позволь взглянуть! Позволь!“

И думает король:

— „На что-ж это похоже?..“

Мне за себя обидно:

Все видят то, о Боже,

Что мне совсем не видно“...

Из оков, точно как из лож,

Смотрели дамы, молодежь,

крича единогласно,

— „О, как наряд его хорош!

И как он шит прекрасно!“

Но мимо мальчик шел...

— „Да он почти что гол!“

Ребенок крикнул звонко...

И поняли все разом,

Что только у ребенка

Нашелся здравый разум.

Пер. Д. Минаев.

ЗАЙЧИК.

Маленькому зайчику
На сырой ложбинке
Прежде глазки тешили
Белые цветочки.

Осенью расплакались
Тонкие былинки,
Лапки наступают
На желтые листочки.

Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капусту сняли
Нечего украсть.

Белый зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому поцасть.

Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится,—
Неба не видать.

Только-б потеплее,
Только-бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать.

А. Блок.

СНЕЖИНКА.

Светло пушистая
Снежинка белая,
Какая чистая,
Какая смелая!

Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную
На землю просится.

Лазурь чудесную
Она покинула.
Себя в безвестную
Страну низринула.

В лучах блистающих
Скользит, умелая,
Средь хлопьев тающих
Сохранно—белая.

Под ветром веющим
Дрожит—взметается,
На нем, лелеющем
Светло качается.

Его качелями
Она утешена.
С его метелями
Крутится бешено.

Но вот кончается
Дорога дальняя,
Земли касается
Звезда кристальная.

Лежит пушистая,
Снежинка смелая,
Какая чистая,
Какая белая!

К. Бальмонт.

* * *

Не нугай меня грозою,
Не боюсь я вешних бурь;
После бури над землею,
Светит радостней лазурь.
После бури, молодея,
В свете новой красоты,
Ароматней и пышнее,
Распускаются цветы.

Ив. Бунин.

СОЛОВЕЙ.

(Сказка).

Жил был человек, который не знал никакого ремесла и не был годен ни на какую работу. С детства он научился свистать соловьем; и этим он кормился. Бывало, подойдет к окошку, залетит соловьем; люди слушают, думают: вправду соловей поет, а узнают, кто пел,—неприменно накормят, напоят, а иногда дадут и переночевать.

Всякий, кому доводилось слышать его пенье, говорил с удивлением:

— Он поет, как настоящий соловей,—и стали называть этого человека Соловьем.

Раз Соловей подошел к лесу. Из лесу вышел ему навстречу старик.

— Куда ты идешь, добрый молодец? сказал старик Соловью.

— Иду, ответил Соловей, куда глаза глядят. Иду искать счастья.

— А есть ли у тебя такой—талант? спросил старик.

— Только талант и есть, что умею свистать соловьем. Этим я и кормлюсь.

— Спой мне, тоже послушаю. Большой я охотник до соловьев.

Полюбился старик Соловью. И запел Соловей так, как никогда не певал.

Послушал старик, как поет Соловей, похвалил его и сказал на прощанье:

— У меня нечего тебе дать, но все-таки я тебя награжу. Всякая вещь, что ты положишь в свою сумку, сделается еще лучше.

Соловей посмотрел на старика, покачал головою и сказал:

— Все надо мною смеются, но ты насмехаешься больше всех, даром что старик,— и пошел в лес.

В лесу Соловей встретил лесника. Стал лесник спрашивать Соловья, что он за человек и зачем он пришел в лес.

— Зовут меня, ответил Соловей ему, Соловьём, потому что умею петь по соловьиному, а в лес привела меня дорога.

— Спой же и мне, сказал лесник, я на своем веку слышал много соловьев, понимаю в этом толк.

Замел Соловей, Лесник стал слушать, закрыл глаза—и кажется ему, что он слышит настоящего соловья, откроет—перед ним стоит бедный человек и свистит соловьем. И раз, и два закрывал лесник глаза, и всякий раз он не верил, что это поет, не соловей!..

— Хорошо ты поешь, сказал лесник Соловью, сунул руку в карман и подал певцу несколько лесных орехов, пару диких яблок и лесную грушу.

Положил Соловей орехи, яблоки и грушу в свою сумку, и орехи сделались сахарными, яблоки наливными, а груша сочною. Обра-

довался Соловей и пошел своей дорогой. Вышел из лесу в поле, а навстречу едет царь.

— Послушай, добрый человек, сказал царь Соловью, не знаешь ли, где здесь напиться?

— Не знаю, ответил Соловей, я сам здесь человек захожий, но, если хотите, я могу вам предложить плодов. И подал царю наливное яблочко и сочную грушу. Царь с удовольствием освежился плодами.

— Сказывай, что ты за человек, и к чему ты годеи; я хочу взять тебя к себе на службу.

— Человек я простой, ответил Соловей, ни к чему не годный, только умею что свистать соловьем.

— Покажи мне свое искусство, сказал царь.

— Соловей запел, сперва тихо, потом громче, потом разошелся во всю.

— Молодец, сказал царь. Это как раз то, что мне нужно. Поезжай со мною во дворец, сегодня я даю бал, и ты будешь петь на этом балу. Покуда вот тебе несколько монет. И царь бросил Соловью горсть серебряных монет. Соловей проворно сунул их в свою сумку, и монеты сделались золотыми.

Царские слуги, увидя расположение царя к Соловью, стали в свою очередь оделять его деньгами: медью и серебром. Соловей принимал все и клал в свою сумку. И медные монеты превратились в серебряные, серебря-

ные в золотые. Когда Соловей приехал во дворец, вся его сумка была полным полно набита серебряною и золотою монетою.

— Поди на кухню, сказал царь Соловью, да подкрепись.

— Дайте мне чегонибудь закусить, сказал Соловей, войдя в царскую кухню.

— Здесь не харчевня, ответил царский повар, чтобы кормить всяких проходимцев.

— Меня сюда прислал сам царь, сказал оправдываясь Соловей.

Но царский повар ему не поверил.

— Никогда этого не бывало.—И хотел прогнать Соловья, но тут вошли царские слуги и сказали, что Соловей говорит правду. Царский повар перепугался до смерти и поспешил подать лучшие блюда.

— Не понимаю, сказал он, как это я не поверил сразу. И по лицу видно, что человек говорит правду.

— Такой не обманет, подтвердили царские слуги.

Соловей между тем улетал за обе щеки царские блюда и в то же время думал: Отчего они так вкусны? от того ли, что я знаю, что это царские блюда, или они вправду вкусны?

Тут пришли звать Соловья к царю.

— Послушай, Соловей, сказал царь, тебя поведут в длинную узкую комнату, которая идет вдоль танцевальной залы. Как перестанет играть музыка, так будет перерыв, ты

сейчас и запой. Споешь, перейди на другое место и опять запой, а я тебя награжу, по царски награжу.

Пошел Соловей в указанную комнату, а в танцевальной зале собрались царские гости, разодетые в шелк и бархат, шитые золотом и серебром.

Вышел царь с царицей, сели на трон, заиграла музыка, и пошел пляс. Плясали, плясали, замолчала музыка, остановилась и пляска. Запел Соловей. Гости повернулись лицом в ту сторону, откуда выходило пение, и стали подходить все ближе и ближе к стене. Допел Соловей, перешел на другое место и запел новую песню. И все царские гости столпились около того места, где пел Соловей. Царь с высокого престола смотрел на все это и радовался. Соловей между тем допел песню и пошел в дальний угол.

И царские гости забились в угол, толкая друг друга.

Когда Соловей замолчал, царь дал знак рукой, и опять заиграла музыка. Гости опомнились, окружили царя и стали поздравлять его с редкой птицей.

— Птица, действительно, редкая, сказал царь, рассмеявшись, и я вам ее покажу. И велел одному из слуг выпустить Соловья в танцевальную залу.

Каково же было изумление гостей, когда они перед собой увидели не птицу, а бедно одетого человека с сумкой под мышкой.

Соловей сначала растерялся и не мог выговорить ни слова, но потом овладел собой и даже расхвастался.

— Это что, говорит он, велико дело свистать соловьем, я и не на такие дела еще мастер.

— А что ты еще умеешь делать? спросили с любопытством гости.

— Какую вещь мне не дадите, я вам дам еще лучшую.

— Это любопытно, сказал один из придворных. Вот тебе, например, мои старинные серебряные часы, большая редкость и гордость нашего рода. Какая вещь может быть лучше их.

— Сами увидите, сказал Соловей, взял часы, положил их в свою сумку и вынул их обратно. Часы сделались неузнаваемыми. Придворный с удовольствием положил их в карман.

Тогда Соловья окружили все гости и каждый на перерыв давал ему какую-нибудь вещь и получал взамен еще лучшую. Одна придворная дама подала Соловью свою ленту, знак своего достоинства. Соловей положил ленту в свою сумку и подал даме ленту, всю усыпанную алмазами, такую, какая была на самой царице.

— Любопытно было бы знать, сказал громко царь, так, чтобы все его слышали, что он мне даст взамен моей короны. Какая вещь лучше ее?

Вел. адм. №

Ду...

Все с почтением расступились перед царем и сам Соловей поспешил ему на встречу. Дрожавшими руками принял он из рук царя царскую корону, сунул ее в свою сумку и вынул... простую шляпу, какую носили в той стране рабочие и крестьяне.

— Что это значит? спросил с изумлением царь.

— Что это значит? повторили за царем гости.

— Что это значит? спросил в свою очередь Соловей.

Тогда мудрец, бывший в числе царских гостей, заявил, что на этот вопрос не так легко ответить.

— Во всяком случае, прибавил он: этот вопрос могут разрешить только мудрейшие. Пусть царь велит собраться мудрецам и решить его.

Царь так и сделал.

Мудрецы и до сих пор решают этот вопрос, а Соловей до сих пор странствует с своей сумкой по свету.

Все охотно слушают его песню, но никто более не дает ему своих вещей, чтоб выменять их на лучшие: они опасаются, что с их вещами случится то же, что с царской короной.

Перекасти—Поле.

